

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ концѣ ноября, въ оттепель, часовъ въ девять утра, поѣздъ Петербургско-Варшавской желѣзной дороги на всѣхъ парахъ подходилъ къ Петербургу. Было такъ сырь и туманно, что насили разсвѣло; въ десяти шагахъ, вправо и влѣво отъ дороги, трудно было разглядѣть хоть что-нибудь изъ оконъ вагона. Изъ пассажировъ были и возвращавшіеся изъ-за границы; но болѣе были наполнены отдѣленія для третьаго класса, и все людомъ мелкимъ и дѣловымъ, не изъ очень далека. Всѣ, какъ водится, устали, у всѣхъ отяжелѣли за ночь глаза, всѣ назяблились, всѣ лица были блѣдножелтые, подъ цвѣтъ тумана.

Въ одномъ изъ вагоновъ третьаго класса, съ разсвѣта, очутились другъ противъ друга, у самаго окна, два пассажира, — оба люди молодые, оба почти на-легкѣ, оба не щегольски одѣтые, оба съ довольно замѣчательными физіономіями, и оба пожелавшіе, наконецъ, войти другъ съ другомъ въ разговоръ. Еслибы они оба знали одинъ про другаго чѣмъ они особенно въ эту минуту замѣчательны, то, конечно, подивились бы, что случай такъ странно посадилъ ихъ другъ противъ друга въ третьеклассномъ вагонѣ Петербургско-Варшавскаго поѣзда. Одинъ изъ нихъ былъ небольшаго роста, лѣтъ двадцати семи, курчавый и почти черноволосый, съ сѣрыми, маленькими, но огненными глазами. Носъ его былъ широкъ и сплюснутъ, лицо скрипистое; тонкія губы безпрерывно складывались въ какую-то наглую, насыщенну и даже злую улыбку; но лобъ его былъ высокъ и хорошо сформированъ и скрашивалъ неблагородно развитую нижнюю часть лица. Особенно примѣтна была въ этомъ лицѣ его мертвая блѣдность, придававшая всей физіономіи молодаго человѣка измѣженный видъ, несмотря на довольно крѣпкое сложеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то страстное, до страданія, не гармонировавшее съ нахальною и грубою улыбкой и съ рѣзкимъ, самодовольнымъ его взглядомъ. Онъ былъ тепло одѣтъ, въ широкій, мерлушечій, черный, крытый тулупъ, и за ночь не зябъ, тогда какъ сосѣдъ его принужденъ былъ вынести на своей издрогшой спинѣ всю сладость сырой, ноябрьской русской ночи, къ которой, очевидно, былъ не приготовленъ. На немъ былъ довольно широкій и толстый плащъ безъ рукавовъ и съ огромнымъ капюшономъ, точь-въ-

точъ какъ употребляютъ часто дорожные, по зимамъ, гдѣ-нибудь далеко за границей, въ Швейцаріи, или, напримѣръ, въ Сѣверной Италии, не разчитывая, конечно, при этомъ и на такие концы по дорогѣ, какъ отъ Эйдкунена до Петербурга. Но что годилось и вполнѣ удовлетворяло въ Италии, то оказалось не совсѣмъ пригоднымъ въ Россіи. Обладатель плаща съ капюшономъ былъ молодой человѣкъ, тоже лѣтъ двадцати шести или двадцати семи, роста немного повыше средняго, очень бѣлокуръ, густоволосъ, со впалыми щеками и съ легонькою, востренькою, почти совершенно бѣлою бородкой. Глаза его были большие, голубые и пристальные; во взглядѣ ихъ было что-то тихое, но тяжелое, что-то полное того странного выраженія, по которому нѣкоторые угадываютъ съ первого взгляда въ субъектѣ падучую болѣзнь. Лицо молодаго человѣка было, впрочемъ, пріятное, тонкое и сухое, но безцвѣтное, а теперь даже досиня иззябшее. Въ рукахъ его болтался тощій узелокъ изъ старого, полинялого фуляра, заключавшій, кажется, все его дорожное достояніе. На ногахъ его были толстоподошвенные башмаки съ штиблетами, — все не по-руssки. Черноволосый сосѣдъ въ крытомъ тулуپѣ все это разглядѣлъ, частію отъ нечего дѣлать, и, наконецъ, спросилъ съ тою неделикатною усмѣшкой, въ которой такъ безцеремонно и небрежно выражается иногда людское удовольствіе при неудачахъ ближняго:

— Зябко?

И повель плечами.

— Очень, отвѣтилъ сосѣдъ съ чрезвычайною готовностью, — и замѣтьте, это еще оттепель. Что жь, еслибы морозъ? Я даже не думалъ, что у насъ такъ холодно. Отвыкъ.

— Изъ-за границы что лѣ?

— Да, изъ Швейцаріи.

— Фыу! Экъ вѣдь васъ!...

Черноволосый присвистнулъ и захочатъ.

Завязался разговоръ. Готовность бѣлокураго молодаго человѣка въ швейцарскомъ плащѣ отвѣтить на всѣ вопросы своего черномазаго сосѣда была удивительная и безъ всякаго подозрѣнія совершенной небрежности, неумѣтности и праздности иныхъ вопросовъ. Отвѣчая, онъ объявилъ между прочимъ, что дѣйствительно долго не былъ въ Россіи, слишкомъ четыре года, что отправленъ былъ за границу по болѣзни, по какой-то странной нервной болѣзни, въ родѣ падучей или Виттовой пляски, какихъ-то дрожаній и судорогъ. Слушая его, черномазый нѣсколько разъ

усмѣхался; особенно засмѣялся онъ, когда на вопросъ: «что же, вылѣчили?» — бѣлокурый отвѣчалъ, что «нѣтъ, не вылѣчили».

— Хе! Денегъ что, должно-быть, даромъ переплатили, а мы-то имъ здѣсь вѣримъ, язвительно замѣтилъ черномазый.

— Истинная правда! ввязался въ разговоръ одинъ сидѣвшій рядомъ и дурно одѣтый господинъ, нѣчто въ родѣ закорузлаго въ подъячествѣ чиновника, лѣтъ сорока, сильнаго сложенія, съ краснымъ носомъ и угреватымъ лицомъ: — истинная правда-съ, только всѣ русскія силы даромъ къ себѣ переводятъ!

— О, какъ вы въ моемъ случаѣ ошибаетесь, подхватилъ швейцарскій пациентъ, тихимъ и примиряющимъ голосомъ; — конечно, я спорить не могу, потому что всего не знаю, но мой докторъ мнѣ изъ своихъ послѣднихъ еще на дорогу сюда далъ, да два почти года тамъ на свой счетъ содержалъ.

— Что жь, некому платить что ли было? спросилъ черномазый.

— Да, господинъ Павлищевъ, который меня тамъ содержалъ, два года назадъ померъ; я писалъ потомъ сюда генеральшѣ Епанчиной, моей дальней родственницѣ, но отвѣта не получилъ. Такъ съ тѣмъ и пріѣхалъ.

— Куда же пріѣхали-то?

— То-есть, гдѣ остановлюсь?... Да не знаю еще, право.... такъ....

— Не рѣшились еще?

И оба слушателя снова захотели.

— И нѣбось въ этомъ узелѣ вся ваша суть заключается? спросилъ черномазый.

— Обѣ закладь готовъ биться, что такъ, подхватилъ съ чрезвычайно довольнымъ видомъ красноносый чиновникъ, — и что дальнѣйшей поклажи въ багажныхъ вагонахъ не имѣется, хотя бѣдность и не порокъ, чего опять-таки нельзѧ не замѣтить.

Оказалось, что и это было такъ: бѣлокурый молодой человѣкъ тотчасъ же и съ необыкновенно поспѣшностью въ этомъ признался.

— Узелокъ вашъ все-таки имѣеть нѣкоторое значеніе, продолжалъ чиновникъ, когда нахочались до сыта (замѣчательно, что и самъ обладатель узелка началъ, наконецъ, смѣяться, глядя на нихъ, что увеличило ихъ веселость), — и хотя можно побиться, что въ немъ не заключается золотыхъ, заграничныхъ свертковъ съ наполеондорами и фридрихсдорами, ниже съ голландскими арабчика-

ми, о чём можно еще заключить, хотя бы только по штиблетамъ, облекающимъ иностранные башмаки ваши, но.... если къ вашему узелку прибавить въ придачу такую будто бы родственницу, какъ, примѣрно, генеральша Епанчина, то и узелокъ приметъ нѣкоторое иное значеніе, разумѣется, въ томъ только случаѣ, если генеральша Епанчина вамъ дѣйствительно родственница, и вы не ошибаетесь, по разсѣянности.... что очень и очень свойственно человѣку, ну хотъ.... отъ излишка воображенія.

— О, вы угадали опять, подхватилъ бѣлокурый молодой человѣкъ, — вѣдь дѣйствительно почти ошибаюсь, то-есть, почти что не родственница; до того даже, что я, право, нисколько и не удивился тогда, что мнѣ туда не отвѣтили. Я такъ и ждалъ.

— Даромъ деньги на франкировку письма истратили. Гм.... по крайней мѣрѣ простодушны искрены, а сіе похвально! Гм.... генерала же Епанчина знаемъ-съ, собственно потому, что человѣкъ общеизвѣстный; да и покойнаго господина Павлищева, который вѣдь въ Швейцаріи содержалъ, тоже знавали-съ, если только это былъ Николай Андреевичъ Павлищевъ, потому что ихъ два двоюродные брата. Другой доселѣ въ Крыму, а Николай Андреевичъ, покойникъ, былъ человѣкъ почтенный и при связяхъ, и четыре тысячи душъ въ свое время имѣли-съ....

— Точно такъ, его звали Николай Андреевичъ Павлищевъ, — и отвѣтивъ, молодой человѣкъ пристально и пытливо оглядѣлъ господина всезнайку.

Эти господа всезнайки встрѣчаются иногда, даже довольно часто, въ извѣстномъ общественномъ слоѣ. Они все знаютъ, вся безпокойная пытливость ихъ ума и способности устремляются нѣудержимо въ одну сторону, конечно, за отсутствиемъ болѣе важныхъ жизненныхъ интересовъ и взглядовъ, какъ сказалъ бы современный мыслитель. Подъ словомъ: «все знаютъ» нужно разумѣть, впрочемъ, область довольно ограниченную: гдѣ служить такой-то? съ кѣмъ онъ знакомъ, сколько у него состоянія, гдѣ былъ губернаторомъ, на комъ женатъ, сколько взялъ за женой, кто ему двоюроднымъ братомъ приходится, кто троюроднымъ и т. д., и т. д., и все въ этомъ родѣ. Большею частію эти всезнайки ходятъ съ ободранными локтями и получаютъ по семнадцати рублей въ мѣсяцъ жалованья. Люди, о которыхъ они знаютъ всю подноготную, конечно, не придумали бы, какіе интересы руководствуютъ ими, а между тѣмъ многіе изъ нихъ этимъ знаніемъ, равняющимся цѣлой наукѣ, положительно утѣшены, достигаютъ самоуваженія и даже высшаго ду-

ховнаго довольства. Да и наука соблазнительная. Я видаль ученыхъ, литераторовъ, поэтовъ, политическихъ дѣятелей, обрѣтавшихъ и обрѣтшихъ въ этой же наукѣ свои высшія примиренія и цѣли, даже положительно только этимъ сдѣлавшихъ карьеру. Въ продолженіе всего этого разговора черномазый молодой человѣкъ зѣвалъ, смотрѣлъ безъ цѣли въ окно и съ нетерпѣніемъ ждалъ конца путешествія. Онъ былъ какъ-то разсѣянъ, что-то очень разсѣянъ, чуть-ли не встревоженъ, даже становился какъ-то страненъ: иной разъ слушалъ и не слушалъ, глядѣлъ и не глядѣлъ, смѣялся и подчасъ самъ не зналъ и не помнилъ чому смѣялся.

— А позвольте, съ кѣмъ имѣю честь.... обратился вдругъ угреватый господинъ къ бѣлокурому молодому человѣку съ узелкомъ.

— Князь Левъ Николаевичъ Мышкинъ, отвѣчалъ тотъ съ полною и немедленною готовностью.

— Князь Мышкинъ? Левъ Николаевичъ? Не знаю-съ. Такъ что даже и не слыхивалъ-съ, отвѣчалъ въ раздумъи чиновникъ, — то-есть, я не обѣ имени, имя историческое, въ Карамзина исторіи найти можно и должно, я обѣ лицѣ-съ, да и князей Мышиныхъ ужъ что-то нигдѣ не встрѣчается, даже и слухъ затихъ-съ.

— О, еще бы! тотчасъ же отвѣтилъ князь: — князей Мышиныхъ теперь и совсѣмъ нѣтъ, кромѣ меня; мнѣ кажется, я послѣдній. А что касается до отцовъ и дѣдовъ, то они у насъ и однодворцами бывали. Отецъ мой былъ, впрочемъ, арміи подпоручикъ, изъ юнкеровъ. Да вотъ не знаю какимъ образомъ и генеральша Епанчина очутилась тоже изъ княженья Мышиныхъ, тоже послѣдняя въ своемъ родѣ....

— Хе-хе-хе! Послѣдняя въ своемъ родѣ! Хе-хе! Какъ это вы оборотили, захихикаль чиновникъ.

Усмѣхнулся тоже и черномазый. Бѣлокурый нѣсколько удивился, что ему удалось сказать довольно, впрочемъ, плохой каламбуръ.

— А представьте, я совсѣмъ не думая сказалъ, пояснилъ онъ, наконецъ, въ удивлѣніи.

— Да ужъ понятно-съ, понятно-съ, весело поддакнулъ чиновникъ.

— А что вы, князь, и наукамъ тамъ обучались, у профессора-то? спросилъ вдругъ черномазый.

— Да.... учился....

— А я вотъ ничему никогда не обучался.

— Да вѣдь и я такъ кой-чему только, прибавилъ князь, чуть не въ извиненіе. — Меня по болѣзни не находили возможнымъ систематически учить.

— Рогожинъ знаетъ? быстро спросилъ черномазый.

— Нѣтъ, не знаю, совсѣмъ. Я вѣдь въ Россіи очень мало кого знаю. Это вы-то Рогожинъ?

— Да, я, Рогожинъ, Пароенъ.

— Пароенъ? Да ужъ это не тѣхъ ли самыхъ Рогожинъ.... началь-было съ усиленною важностью чиновникъ.

— Да, тѣхъ, тѣхъ самыхъ, быстро и съ невѣжливымъ нетерпѣніемъ перебилъ его черномазый, который вовсе, впрочемъ, и не обращался ни разу къ угреватому чиновнику, а съ самаго начала говорилъ только одному князю.

— Да.... какже это? удивился до столбняка и чуть не выпутилъ глаза чиновникъ, у котораго все лицо тотчасъ же стало складываться во что-то благородное и подобострастное, даже испуганное: — это того самаго Семена Парфеновича Рогожина, потомственнаго почетнаго гражданина, что съ мѣсяцъ назадъ тому помре и два съ половиной миллиона капиталу оставилъ?

— А ты откуда узналъ, что онъ два съ половиной миллиона чистаго капиталу оставилъ? перебилъ черномазый, не удостоивая и въ этотъ разъ взглянуть на чиновника: — ишь вѣдь! (мигнулъ онъ на него князю) и что только имъ отъ этого толку, что они прихвостнями тотчасъ же лѣзутъ? А это правда, что вотъ родитель мой померъ, а я изъ Пскова черезъ мѣсяцъ чуть не безъ сапогъ домойѣ. Ни братъ подлецъ, ни мать, ни денегъ, ни увѣдомленія, — ничего не прислали! Какъ собакъ! Въ горячкѣ въ Псковѣ весь мѣсяцъ пролежалъ.

— А теперь миллиончикъ слишкомъ разомъ получить приходится, и это по крайней мѣрѣ, о, Господи! всплеснуль руками чиновникъ.

— Ну чего ему, скажите пожалуста! раздражительно и злобно кивнуль на него опять Рогожинъ: — вѣдь я тебѣ ни копѣйки не дамъ, хоть ты тутъ вверхъ ногами предо мной ходи.

— И буду, и буду ходить.

— Вишь! Да вѣдь не дамъ, не дамъ, хошь цѣлую недѣлю пляши!

— И не давай! Такъ мнѣ и надо; не давай! А я буду плясать. Жену, дѣтей малыхъ брошу, а предъ тобой буду плясать. Польсти, польсти!

— Тыфу тебя! сплюнуль черномазый. — Пять недель назад я вотъ какъ и вы, обратился онъ къ князю, — съ однимъ узелкомъ отъ родителя во Псковъ убѣгъ, къ теткѣ; да въ горячкѣ тамъ и слегъ, а онъ безъ меня и помре. Кондрашка пришибъ. Вѣчная память покойнику, а чуть меня тогда до смерти не убилъ! Вѣрите ли, князь, вотъ ей-Богу! Не убѣгъ я тогда, какъ разъ бы убилъ.

— Вы его чѣмъ-нибудь разсердили? отозвался князь, съ нѣкоторымъ особеннымъ любопытствомъ разматривая миллионара въ тулупѣ. Но хотя и могло быть нѣчто достопримѣчательное собственно въ миллионѣ и въ полученіи наслѣдства, князя удивило и заинтересовало и еще что-то другое; да и Рогожинъ самъ почему-то особенно охотно взялъ князя въ свои собесѣдники, хотя въ собесѣдничествѣ нуждался, казалось, болѣе механически, чѣмъ нравственно; какъ-то болѣе отъ разсѣянности чѣмъ отъ простосердечія; отъ тревоги, отъ волненія, чтобы только глядѣть на кого-нибудь и о чѣмъ-нибудь языкомъ колотить. Казалось, что онъ до сихъ поръ въ горячкѣ, и ужъ по крайней мѣрѣ въ лихорадкѣ. Что же касается до чиновника, такъ тотъ такъ и повисъ надъ Рогожинымъ, дыхнуть не смѣль, ловилъ и взвѣшивалъ каждое слово, точно брилліанта искаль.

— Разсердился-то онъ разсердился, да можетъ и стоило, отвѣчалъ Рогожинъ, — но меня пуще всего братъ доѣхалъ. Про матушку нечего сказать, женщина старая, Четы-Минеи читаетъ, со старухами сидѣть, и что Сенька-братья порѣшили, такъ тому и быть. А онъ что же мнѣ знать-то въ свое время не даль? Понимаемъ-сь! Оно правда, я тогда безъ памяти былъ. Тоже, говорять, телеграмма былапущена. Да телеграмма-то къ теткѣ и приди. А она тамъ тридцатый годъ вдовствуетъ и все съ юродивыми сидѣть сутра до ночи. Монашенка не монашенка, а еще пуще того. Телеграммы-то она испуждалась, да не распечатывая въ часть и представила, такъ она тамъ и залегла до сихъ поръ. Только Коневъ, Василій Васильичъ, выручилъ, все отписалъ. Съ покрова парчеваго на гробъ родителя, ночью, братъ кисти литыя, золотыя, обрѣзаль: «онѣ дескать эвона какихъ денегъ стоять». Да вѣдь онъ за это одно въ Сибирь пойдти можетъ, если я захочу, потому оно есть святотатство. Эй ты, пугало гороховое! обратился онъ къ чиновнику. — Какъ по закону: святотатство?

— Святотатство! Святотатство! тотчасъ-же поддакнулъ чиновникъ.

— За это въ Сибирь?

— Въ Сибирь, въ Сибирь! Тотчасъ въ Сибирь!

— Они все думаютъ, что я еще боленъ, продолжалъ Рогожинъ князю, — а я, ни слова не говоря, потихоньку, еще больной, съль въ вагонъ, да и ъду; отворяй ворота, братецъ Семенъ Семенычъ! Онъ родителю покойному на меня наговариваль, я знаю. А что я дѣйствительно чрезъ Настасью Филипповну тогда родителя раздражилъ, такъ это правда. Тутъ ужъ я одинъ. Попуталь грѣхъ.

— Чрезъ Настасью Филипповну? подобострастно промолвилъ чиновникъ, какъ-бы что-то соображая.

— Да вѣдь не знаешь! крикнулъ на него въ нетерпѣніи Рогожинъ.

— Анъ и знаю! побѣдоносно отвѣчалъ чиновникъ.

— Эвона! Да мало ль Настасій Филипповнъ! И какая ты наглая, я тебѣ скажу, тварь! Ну, вотъ такъ и зналь, что какая-нибудь вотъ этакая тварь такъ тотчасъ же и повиснетъ! продолжалъ онъ князю.

— Анъ, можетъ, и знаю-сь! тормошился чиновникъ: — Лебедевъ знаетъ! Вы, ваша свѣтлость, меня укорять изволите, а что коли я докажу? Анъ, та самая Настасія Филипповна и есть, чрезъ которую вашъ родитель вамъ внушить пожелалъ калиновымъ посохомъ, а Настасія Филипповна есть Барашкова, такъ-сказать, даже знатная барыня, и тоже въ своемъ родѣ княжна, а знается съ нѣкоимъ Тоцкимъ, съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ, съ однимъ исключительно, помѣщикомъ и раскапиталистомъ, членомъ компаний и обществъ, и большую дружбу на этотъ счетъ съ генераломъ Епанчиннымъ ведущіе....

— Эге, да ты вотъ что! дѣйствительно удивился наконецъ Рогожинъ; — тыфу чортъ, да вѣдь онъ и впрямь знаетъ.

— Все знаетъ! Лебедевъ все знаетъ! Я, ваша свѣтлость, и съ Лихачевымъ Алексашкой два мѣсяца ъздили, и тоже послѣ смерти родителя, и всѣ, то-есть, всѣ углы и проули знаю, и безъ Лебедева, дошло до того, что ни шагу. Нынѣ онъ въ долговомъ отдѣленіи существуетъ, а тогда и Арманъ, и Кораліо, и княгиню Пацкую, и Настасію Филипповну имѣль случай узнать, да и много чего имѣль случай узнать.

— Настасію Филипповну? А развѣ она съ Лихачевымъ.... злобно посмотрѣль на него Рогожинъ, даже губы его поблѣднѣли и задрожали.

— Н-ничего! Н-н-ничего! Какъ есть ничего! спохватился и заторопился поскорѣе чиновникъ: — н-никакими, то-есть, деньгами

Лихачевъ доѣхать не могъ! Нѣтъ, это не то что Армансъ. Тутъ одинъ Тоцкій. Да вечеромъ въ Большомъ али во французскомъ театрѣ въ своей собственной ложѣ сидитъ. Офицеры тамъ мало ли что промежь себя говорять, а и тѣ ничего не могутъ доказать: «вотъ дескать это есть та самая Настасья Филипповна», да и только; а насчетъ дальнѣйшаго — ничего! Потому что и нѣтъ ничего.

— Это вотъ все такъ и есть, мрачно и насупившись подтвердилъ Рогожинъ, — тоже мнѣ и Залужевъ тогда говорилъ. Я тогда, князь, въ третьегодняшней отцовской бекешѣ черезъ Невскій перебѣгалъ, а она изъ магазина выходитъ, въ карету садится. Такъ меня тутъ и прожгло. Встрѣчу Залежева, тотъ не мнѣ чета, ходитъ какъ прикащикъ отъ парикмахера, и лорнетъ въ глазу, а мы у родителя въ смазныхъ сапогахъ, да на постныхъ щахъ отличались. Это, говорить, не тебѣ чета, это, говорить, княгиня, а зовутъ ее Настасіей Филипповной, фамиліей Барашкова, и живеть съ Тоцкимъ, а Тоцкій отъ нея какъ отвязаться теперь не знаетъ, потому совсѣмъ, то-есть, лѣтъ достигъ настоящихъ, пятидесяти пяти, и жениться на первѣйшей раскрасавицѣ во всемъ Петербургѣ想要。 Тутъ онъ мнѣ и внушилъ, что сегодня же можешь Настасію Филипповну въ Большомъ театрѣ видѣть, въ балетѣ, въ ложѣ своей, въ бенуарѣ, будешь сидѣть. У нась, у родителя, попробуй-ка въ балетѣ сходить, — одна расправа, убьетъ! Я однакоже на часъ втихомолку сѣгалъ и Настасію Филипповну опять видѣлъ; всю ту ночь не спалъ. На утро покойникъ даетъ мнѣ два пятипроцентные билета, по пяти тысячи каждый, сходи дескать да продай, да семь тысяч пятьсотъ къ Андреевымъ на контору снеси, уплати, а остальную сдачу съ десяти тысячъ, не заходя никуда, мнѣ представь; буду тебя дожидаться. Билеты-то я продалъ, деньги взялъ, а къ Андреевымъ въ контору не заходилъ, а пошелъ никуда не глядя въ англійскій магазинъ, да на всѣ пару подвѣсокъ и выбралъ, по одному брилліантику въ каждой, эдакъ почти какъ по орѣху будуть, четыреста рублей долженъ остался, имя сказалъ, повѣрили. Съ подвѣсками я къ Залежеву: такъ и такъ, идемъ брать къ Настасію Филипповнѣ. Отправились. Что у меня тогда подъ ногами, что предо мною, что по бокамъ, ничего я этого не знаю и не помню. Прямо къ ней въ залу вошли, сама вышла къ намъ. Я, то-есть, тогда не сказался, что это я самый и есть; а «отъ Пароена дескать Рогожина», говорить Залежевъ, «вамъ въ память встрѣчи вчерашняго дня; соблаговолите принять». Раскрыла, взглянула, усмѣхнулась: «благодарите, говорить, вашего друга господина Рогожина за его лю-

безное вниманіе», откланялась и ушла. Ну, вотъ зачѣмъ я тутъ не померъ тогда же! Да если и пошелъ, такъ потому что думалъ: «все равно, живой не вернусь!» А обиднѣе всего мнѣ то показалось, что этаотъ бестія Залежевъ все на себя присвоилъ. Я и ростомъ малъ, и одѣть какъ холуй, и стою, молчу, на нее глаза пялю, потому стыдно, а онъ по всей модѣ, въ помадѣ и завитой, румяный, галстухъ клѣтчатый, — такъ и разсыпается, такъ и расшаркивается, и ужъ навѣрно она его тутъ вмѣсто меня приняла! «Ну, говорю, какъ мы вышли, ты у меня теперь тутъ не смѣй и подумать, понимаешь!» Смѣется: «а вотъ какъ-то ты теперь Семену Пароенычу отчѣть отдававъ будешь?» Я, правда, хотѣлъ было тогда же въ воду, домой не заходя, да думаю: «вѣдь ужъ все равно», и какъ окаянный воротился домой.

— Эхъ! Ухъ! кривился чиновникъ, и даже дрожь его пробирала: — а вѣдь покойникъ не то что за десять тысячъ, а за десять цѣлковыхъ на тотъ свѣтъ сживываль, кивнулъ онъ князю. Князь съ любопытствомъ разсмотривалъ Рогожина; казалось, тотъ былъ еще блѣднѣе въ эту минуту.

— Сживываль! переговорилъ Рогожинъ: — ты что знаешь? Тотчасъ, продолжалъ онъ князю, — про все узналъ, да и Залежевъ каждому встрѣчному пошелъ болтать. Взять меня родитель, и на верху заперъ, и цѣлый часъ поучаль. «Это я только, говорить, предуготовляю тебя, а вотъ я съ тобой еще на ночь попрощаться зайду». Что жь ты думаешь? Побѣхаль сѣдой къ Настасью Филипповнѣ, земно ей кланялся, умоляль и плакалъ; вынесла она ему наконецъ коробку, шваркнула: «Вотъ, говорить, тебѣ, старая борода, твои серьги, а онъ мнѣ теперь въ десять разъ дороже цѣнной, коли изъ-подъ такой грозы ихъ Пароенъ добываль. Кланяйся, говоритъ, и благодари Пароена Семеныча.» Ну, а я этой порой, по матушкуну благословенію, у Сережки Протушина двадцать рублей досталъ, да во Псковъ по машинѣ и отправился, да прѣбѣхаль-то въ лихорадкѣ; меня тамъ святцами зачитывать старухи принялись, а я пьянь сижу, да пошелъ потомъ по кабакамъ на постѣднія, да въ безчувствіи всю ночь на улицѣ и провалаился, ань къ утру горячка, а тѣмъ временемъ за ночь еще собаки обгрызли. На силу очнулся.

— Ну-съ, ну-съ, теперь запоетъ у нась Настасья Филипповна! потирая руки хихикаль чиновникъ: — теперь, сударь, что подвѣски! Теперь мы такія подвѣски вознаградимъ....

— А то, что если ты хоть разъ про Настасью Филипповну какое слово молвишь, то вотъ тебѣ Богъ, тебя высѣку, даромъ что ты